

Русский заграничный дипломатический корпус в период кризиса Белого движения. Начало 1920 г.

Е.М. Миронова

Институт всеобщей истории РАН

В статье на основе обширного источникового материала представлен сложный период деятельности Заграничного дипломатического корпуса Белого движения. В условиях поражений, которые терпели белые в России, их внешнеполитическое представительство продолжало работать. Более того, руководство Корпуса приняло решение о том, что для его учреждений не только подчинение органам Советской власти невозможно, но недопустима и передача дел дипломатическим представительствам Москвы. Был взят курс на продолжение самостоятельного и независимого существования Корпуса в случае поражения белых в Гражданской войне. Предпринимались усилия по восстановлению в дипломатической структуре иерархии и дисциплины. Был сокращён личный состав, но сохранена репрезентативность учреждений Корпуса в мире. Велась работа по обеспечению финансирования его дальнейшей деятельности. Ведомство продолжало повседневную работу, в которой выделились и усиливались новые направления. Оно активно оказывало помощь растущему количеству русских беженцев, искало пути сохранения русского имущества за рубежом. Руководство структуры начало разрабатывать вопрос о правовой защите покинувших родину соотечественников на случай поражения Белого движения. Приход к власти в Крыму генерала барона Врангеля был неоднозначно встречен русским обществом за рубежом. Возглавлявший дипломатическое ведомство с января 1919 г. С.Д. Сазонов проявил полную лояльность по отношению к созданному в Севастополе правительству. Тем не менее Врангель отправил его в отставку, передав управление внешней политикой П.Б. Струве. Однако С.Д. Сазонов успел подготовить позиции для старейшины Корпуса – посла в Риме М.Н. Гирса, который и возглавил Корпус после отставки Сазонова. П.Б. Струве разделил с ним руководство и ответственность. Корпус укрепил свои независимые позиции и вошёл в последний этап противостояния с большевиками как партнёр, а не подчинённая центру структура, что дало ему перспективу продолжения работы после окончания Гражданской войны на Родине.

Ключевые слова: Белое движение, Гражданская война в России, небольшевистская дипломатия, Зарубежный дипломатический корпус, русская эмиграция, Сергей Сазонов, Пётр Струве, барон Врангель, дипломатическая автономия, русские эмигранты

Русский Заграничный дипломатический корпус как структура государственных учреждений Российской империи, а затем Временного правительства практически без потерь пережил две революции¹. Отказавшись сотрудничать с Советской властью, он создал Совет послов и продолжил свою деятельность в автономном режиме в ожидании образования на Родине власти, с которой смог бы сотрудничать. Формально подчинившись омскому правительству адмирала Колчака в ноябре 1918 г. и получив от него подтверждение своих полномочий в июле 1919 г.², он представлял интересы всех антибольшевистских сил России (Миронова 2023а: 443). Кризис Белого движения на рубеже 1919 г. поставил перед Заграничным корпусом вопрос не только о его дальнейшей судьбе, но и о его долге и ответственности перед теми соотечественниками, кто уже находился за границей, о будущем всех, кто мог оказаться в изгнании в случае поражения антибольшевистского движения.

Исследование деятельности русской небольшевистской дипломатии постепенно занимает значимое место в историографии Гражданской войны в России. В этой связи следует отметить работы А.В. Шмелёва, А.В. Смолина, С.В. Листикова³, О.В. Будницкого (Будницкий 2001; 2008) и Е.М. Мироновой (Миронова 2013). Однако в исторической литературе пока не сложилось целостной картины: одни исследователи рассматривают внешнюю политику Колчака, другие – правительств Деникина или Врангеля. При этом, как правило, речь идёт о некой абстрактной «дипломатии Белого движения» без учёта того факта, что сосуществовавшие в 1919 г. антибольшевистские правительства имели собственные, нередко входившие в противоречие с политикой Омска, взгляды по внешнеполитическим вопросам, а кроме них, большое, зачастую самостоятельное воздействие на международные сношения оказывал зарубежный центр в Париже.

Белые унаследовали по сути имперское Заграничное представительство. Временное правительство ограничило своё вмешательство в кадровую политику министерства замещениями вакантных посольских постов. Двое из его назначенцев – послы в Вашингтоне Б.А. Бахметев и в Париже В.А. Маклаков – вошли в руководство Корпуса и на протяжении всей Гражданской войны активно участвовали в формировании его политической линии.

¹ После Февральской революции только два дипломата, посол в Дании К.К. Буксгевден и временный поверенный в Берне М.М. Бибилов, по идейным соображениям покинули свои посты. После Октябрьской революции на контакт с НКВД пошли трое из глав заграничных представительств: временный поверенный в делах в Испании Ю.Я. Соловьёв и поверенный в делах в Португалии барон П.Л. Унгерн-Штернберг, за что Корпусом они были подвергнуты остракизму и были вынуждены покинуть свои посты. Соловьёв позже работал в НКВД. Об «отступничестве» посланника в Сиаме И.Г. Лорис-Меликова Корпус узнал позднее. Руководство не стало возвращаться к санкциям. Посланник признал свою ошибку и продолжил работать в белых структурах.

² До этого Корпус продолжал работать на основании, как писал К.Н. Гулькевич, «благодати преемственности». ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 19 об.

³ Tongour N.N. 1979. *Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925*. Ph.D. Dissertation. Stanford University; см. также (Шмелёв 2017; Смолин 2017; Листиков 2009).

Вопросами деятельности Заграничного дипломатического корпуса в период кризиса Белого движения начала 1920 г. предметно не интересовался никто из историков⁴. Некоторые аспекты исследуемой темы получили освещение в наших работах разных лет (Миронова 2022, 2023).

Целью данной статьи является исследование состояния и роли дипломатического Корпуса в системе российских заграничных учреждений, а также восприятия его деятельности со стороны великих держав в начале 1920 г. Особое внимание уделяется внутренним процессам, происходившим в российских дипломатических представительствах за рубежом в этот период. Анализируется также роль министра иностранных дел С.Д. Сазонова в укреплении и сохранении Корпуса как действующего института внешней политики России. Кроме того, рассматривается начавшаяся среди российских дипломатов разработка возможных сценариев организации жизни русских беженцев за границей в случае поражения Белого движения в Гражданской войне.

Исследование проведено на основе мемуаров⁵, опубликованных документов⁶, коллекций дипломатической переписки Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Русского архива Университета Лидса (Великобритания) (далее – LRA).

Внутренняя и внешнеполитическая ситуация в начале 1920 г.

Период с осени 1919 по март-апрель 1920 гг. – время смутное. В Белом стане царит хаос. Отступление войск Колчака на восток, эвакуация правительства из Омска в Иркутск, предательство союзниками Верховного правителя, арест, расстрел большевиками Колчака; начавшиеся с двадцатых чисел октября поражения армий Деникина, которые после Тихорецкого сражения (14 февраля – 2 марта) превратились в беспорядочное отступление на Екатеринодар и Новороссийск, ужас деникинской эвакуации – всё происходящее доходило за рубеж лишь отголосками. Было неизвестно, в частности, спасён ли золотой запас: ходили слухи, что он попал в руки чехов⁷. И если один из высших чинов деникинского управления внешних сношений в февральской телеграмме характеризовал положение как «неясное»⁸, то посольство в Вашингтоне с января по

⁴ Английский исследователь Н. Ullman завершил в 1968 г. своё фундаментальное исследование «*Britain and the Russian civil war*» февралем 1920 г.

⁵ Михайловский Г.Н. 1992. *Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920*. в 2 кн. Москва. 687 с.; Врангель В.Н. 2013. *Воспоминания*. Москва.: Вече. 478 с.; Набоков К.Д. 2014. *Испытания дипломата*. Санкт-Петербург: Симпозиум. 320 с.

⁶ «Чему свидетели мы были...»: переписка бывших царских дипломатов (1934–1940). 1998. В 2 кн. М. Кн. 2; 561 с. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: Переписка, 1919–1951. Москва; Стэнфорд, 2001–2003, в 3 тт. Т. 1. 569 с.; К 50-летию окончания гражданской войны в России. Неизданные документы из архивов П.Б. Струве 1970. Мосты. №15. С. 413–427.

⁷ Г.М. Лунц – К.Н. Гулькевичу 30 декабря 1919 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 80. Л. 3–6.

⁸ Б.А. Татищев – послу 4/17 февраля 1920 г. № 89. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 255.

своим каналам получало известия о полном развале на юге России, о «фигии Добровольческого правительства, обладающего разрозненной территорией нескольких портов», о том, что не признанный пока официально конец уже наступил, так как «ни Особого совещания, ни армии уже нет, а есть отдельные отряды разных ориентаций и отдельные министры, десятки раз сменявшиеся»⁹. Мнение представителей дипломатической среды выразил юрист-международник (в марте – мае 1917 г. – товарищ министра иностранных дел) Б.Э. Нольде: «... боюсь, что бывшая Россия, базирующаяся на иностранной помощи, снята историей с очереди»¹⁰.

Начался разворот союзников от Белого движения. Современник писал: «То, что предпринимается по поводу России за границей, так противоречиво, недоговорено и во многом положительно не понятно, что все здесь ходят в потёмках»¹¹. Лондон в конце ноября 1919 г. в Копенгагене начал переговоры с представителями Советского правительства, официально – об обмене военнопленными, а в январе выступил с проектом решения об отмене принятого в октябре 1919 г. постановления об экономической блокаде РСФСР. Охладевала к русским делам и американская администрация (Будницкий 2008: 237). Антибольшевистским политикам оставалось только надеяться на твёрдый курс пришедшего к власти во Франции правительства А. Мильерана.

Одновременно в русской зарубежной среде росло возмущение политикой союзников, направленной на ослабление и раздробление России. Крепло мнение, что «большевизм – явление временное и скоропреходящее, от него Россия непременно излечится, но расчленение России – вот более глубокое и основное зло, которое подкосит её силу на долгие, долгие времена и послужит источником неизбежных новых кровопролитных войн»¹². Дело дошло до того, что лозунг «против большевиков с кем угодно, хоть с чёртом» стал замещаться другим: «против расчленителей России с кем угодно», хоть с большевиками¹³.

Это была импульсивная реакция общественности. Официальные круги в этой тяжёлой обстановке хранили молчание, что создавало опасное для них впечатление бессилия и выжидания событий. «Политическое совещание в Париже (Сазонов, Маклаков, Львов)¹⁴ не пользуется никаким влиянием, – говорится в составленной в то время анонимной аналитической записке. – Никакой

⁹ В. Ильяшенко – С.А. Угету 31 января 1920 г. *ИИА.РПУС* 19-2. Цит. по: (Будницкий 2008: 242).

¹⁰ Письмо Б.Э. Нольде К.Н. Гулькевичу 31 января, 3 марта 1920 г. *ГАРФ*. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 11 об.

¹¹ А. Акимов – И.Н. Ефремову 20 января 1920 г. *ГАРФ*. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 60. Л. 6–15.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Политическая делегация была создана в январе 1919 г. Русским политическим совещанием для участия в Версальской конференции. В её состав входили Г.Е. Львов (председатель), Н.В. Чайковский, С.Д. Сазонов, В.А. Маклаков, Б.В. Савинков. Политическое совещание закрылось 1 августа 1919 г. В данном случае аноним путает понятия «Политическое совещание» и «Политическая делегация».

определённой политики у них нет. Сейчас обнаруживают полную растерянность, недостаток понимания – что делать дальше. Никаких директив другим представителям не дают»¹⁵. Однако это было не совсем так.

Политическая делегация (Львов, Сазонов, Чайковский, Савинков, Маклаков) лишилась тогда своих, пожалуй, самых активных членов: Париж временно покинули Н.В. Чайковский и Б.В. Савинков. Глава белой дипломатии, в прошлом министр иностранных дел Российской империи, С.Д. Сазонов не счёл нужным протестовать против отмены блокады России – вопрос был непростой, грозивший репутационными потерями, ибо был связан с выживанием оставшихся под властью большевиков соотечественников, да и, как показывал опыт, практической пользы от таких заявлений не было: союзники их игнорировали.

Постановка вопроса о сохранении русского Заграничного дипломатического корпуса

В обстановке безвременья начала 1920 г. во весь рост встал вопрос о том, что будет с многотысячным русским беженством в случае поражения антибольшевистского сопротивления. Руководство Заграничного корпуса видело путь к его решению через сохранение дипломатического представительства в новых политических реалиях и искало возможности сохранить ведомство. Европейский истеблишмент, который именно на дипломатов возложил ответственность за бескомпромиссную патриотическую позицию Белого движения, уже некоторое время выказывал в отношении него крайнее раздражение (Миронова 2023b: 68). «Мы до того всем надоели, что наша благодарность за ту или услугу нам нигде не признаётся стоящей медного гроша»¹⁶, – писал Нольде. Он полагал, что в сложившихся обстоятельствах «ни одна канцелярия в мире не будет признавать вне-официального представительства русских»¹⁷. Иначе ему виделось отношение к представительству «для внутренних надобностей русской заграничной колонии». Этот вопрос «со всех сторон» рассматривался в Париже. Приходило осознание необходимости сплотиться, предпринимались попытки создать некий аналог закрытого летом 1919 г. Русского политического совещания (РПС) или Национального комитета.

В дальнейшем именно предложение Нольде было взято на вооружение. Но для его проведения в жизнь надо было мобилизовать и привести в действенное состояние находившийся не в лучшем состоянии Корпус.

Ещё в 1919 г. у части посланников появились сомнения в целесообразности продолжения работы: они предлагали закрыть свои миссии, представлявшие им в сложившихся обстоятельствах «бесполезными»¹⁸. Революционные потрясе-

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 72. Л. 12.

¹⁶ Письмо Б.Э. Нольде К.Н. Гулькевичу 20 апреля 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ И.И. Сукин – министру 19 июня 1919 г. № 1041. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1041.

ния и Гражданская война привели к нарушению иерархии и падению дисциплины в ведомстве. Кадровые дипломаты, поверенные в делах в Лондоне К.Д. Набоков и Кристиании (совр. Осло) Д.Ф. Коцебу Пилар фон Пильхау, например, последовательно не подчинялись министру, что не могло быть скрыто от властей стран, где они работали, и подрывало доверие ко всему Корпусу. О.В. Будницкий отметил отказ посольства в Вашингтоне безоговорочно подчиняться указаниям из Парижа (Будницкий 2008: 224, 238–239). Посланник в Стокгольме – опытный и уважаемый в ведомстве К.Н. Гулькевич – писал, что «*ville des lumières*¹⁹ авторитет для старослужащих только постольку-поскольку»²⁰. Неслыханное дело: С.Д. Сазонову пришлось напоминать сотрудникам, что Заграничное дипломатическое и консульское представительство подчинены ему как министру иностранных дел и обязаны исполнять его распоряжения²¹.

В начале 1920 г. из-за прекращения финансирования из России содержание представительств было переведено с опозданием. Это вызвало естественные опасения, «будут ли они сохранены или ликвидированы»²².

В этой тяжёлой ситуации вновь, как в 1917 г., проявился разный менталитет послов, назначенных Временным правительством, и карьерных дипломатов. Если первые, Бахметев и Маклаков, обсуждали будущее Движения, строили интересные, логически выверенные проекты его дальнейшей борьбы с большевиками, то дипломаты, прежде всего, министр Сазонов и старейшина Корпуса, посол в Италии М.Н. Гирс, думали о сплочении ведомства, об обеспечении ему возможности продолжить деятельность в новых условиях.

Корпус к тому времени сохранил практически все представительства военного времени, более того, руководство поспешило возродить миссии в бывших враждебных странах (Турции, Болгарии), в Берлине были созданы организации, которые стали сотрудничать с ведомством, возвращались на места служившие ранее в Германии консулы. Министр был озабочен восстановлением русского присутствия в Святой Земле²³. На протяжении 1919 г. создавались новые представительства в обретших независимость Чехословакии и Польше. Несмотря на то, что белые дипломаты категорически не признавали отделение лимитрофов от России, необходимость защищать русских граждан на их территориях вызвала к жизни решение поддерживать там учреждения консульского характера. Много усилий потребовало создание представительства в Финляндии (Миронова 2011: 77–83).

¹⁹ *Ville des lumières* – фр. «город огней», подразумевается руководство русским дипломатическим ведомством, находившееся в Париже.

²⁰ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.

²¹ Министр – Российской миссии в Кристиании. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 208.

²² ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 13.

²³ Министр А.А. – Смирнову 22 мая 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 336.

Великие державы по-разному реагировали на усилия русского министра иностранных дел. Лондон, исключив новые назначения, неохотно, но допускал восстановление деятельности представителей, назначенных «законным», т. е. добольшевистским правительством²⁴. Французские власти сами проявили заинтересованность в продолжении деятельности генерального консула в Танжере А.Л. Воеводского²⁵. А швейцарское правительство, два года не впускавшее на свою территорию депутата Думы И.Н. Ефремова, не успевшего вручить верительные грамоты Временного правительства до его падения, в самом конце 1919 г. разрешило русскому политику возглавить миссию в качестве представителя Омска (Миронова 2015: 132–145).

Меры по сохранению Корпуса

На рубеже 1919–1920 гг. Сазонову, видимо, удалось добиться от западных политиков обещаний, что русскому Заграничному корпусу будет предоставлена возможность продолжить работу в случае, если вооружённая борьба в России завершится неблагоприятно для Белого движения. Афишировать эту договорённость и даже информировать коллег об этом он, разумеется, не мог, но меры по сохранению ведомства должен был предпринять.

В этой связи перед ним стоял ряд задач:

- определение формы, в которой Корпус мог бы продолжить свою деятельность;
- поиск источника финансирования дальнейшей работы посольств и миссий и ограничение расходов: транши из Омска поступать перестали, финансирование части представительств по договорённостям местными правительствами в счёт русского долга или взаимобразно с теми странами, которые послали миссии в Россию, должны были в скором времени прекратиться;
- проведение кадровых сокращений;
- укрепление дисциплины и вертикали власти в ведомстве.

Трудностей с разрешением первой проблемы не возникло. Опыт существования Корпуса в 1918 г. показал его способность работать без опоры на правительство на Родине. Его и использовали, приняв решение о возрождении Соевещения русских послов. Один из функционеров парижского офиса министра Л.Х. Ревеллиотти говорил Г.Н. Михайловскому о М.Н. Гирсе как о будущем главе этой организации²⁶.

Решению двух других задач были посвящены первые месяцы 1920 г.

²⁴ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 318, 334; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 51 об.

²⁵ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 13, 23, 25.

²⁶ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 374.

Приказом от 12 января министр начал кампанию перемещений «чинов» ведомства, чего не делалось с конца 1917 г. Её главная цель состояла в том, чтобы поддержать авторитет единоначалия, восстановить иерархию и заметно расширившуюся дисциплину, а также укрепить те представительства, которые столкнулись с резким увеличением объёма работы.

Ещё в сентябре глава ведомства отдал К.Д. Набокову распоряжение отправиться к месту службы в Норвегию, куда он был назначен Временным правительством в качестве посланника²⁷. Тем самым министр решал сразу две проблемы: переводил дипломата, с которым у него были серьёзные трения, из Лондона на периферию Европы, в страну, не игравшую активной роли в международных делах, одновременно отрешая от должности отказывавшегося ему подчиняться главу миссии в Христиании – графа Д.Ф. Пилара. В ответ Пилар отказался признавать Сазонова министром и сообщил об этом норвежским властям²⁸. К.Д. Набоков, без сопротивления оставив свой пост в Англии, в январе приехал в Норвегию, но, обсудив ситуацию с Пиларом, возвратил ему управление миссией и вернулся в Лондон в качестве частного лица²⁹.

Наплыв беженцев в Константинополь в начале 1920 г. выявил слабость действовавшей там миссии, что заставило министра укрепить и расширить её состав. Сюда получили назначения только что окончивший курс в Русском коммерческом училище в Константинополе Иван Деудес, подпоручик запаса Лазарь Феодоров (Феодориди); сверх штата в распоряжение начальника миссии был направлен переводчик Константин Засецкий³⁰.

Первый приказ министра, коснувшийся шестнадцати человек³¹, вернул к службе часть коллег, отозванных из стран, где они несли службу, в связи с началом Мировой войны. В январе – феврале работа над кадровыми перемещениями была продолжена.

Корпус встретил начинания министра по-разному. Посланник в Тегеране воспользовался случаем, чтобы походатайствовать о продвижении по службе двоих своих подчинённых, Минорского и Григорьева³². Глава миссии в Стокгольме К.Н. Гулькевич, не подобрав русского слова, охарактеризовал происходящее французским *ridicule*³³.

Реакция ведомства на распоряжения министра показала, что он не зря затеял эту кампанию. Одни дипломаты, согласно традиции, благодарили руководство и паковали чемоданы, другие саботировали распоряжения министра; не всем

²⁷ Доклад. Российская миссия в Христиании от 14/27 ноября 1918 г. № 431. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 226. Л. 3. В мемуарах Набоков пишет о том, что получил назначение в Швейцарию, см.: Набоков К.Д. Указ. соч. С. 53.

²⁸ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 224.

²⁹ К.Д. Набоков – В.А. Маклакову 13 января 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 191.

³⁰ Приказ по ведомству иностранных дел от 1 января 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 3, Л. 30б, Л. 4.

³² А.К. Беляев – министру 3 января 1920 г. № 6. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 181.

³³ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 19 об. *Ridicule* (фр.) – смешной, нелепый.

главам нравились изменения в личном составе представительств, некоторые из них потворствовали подчинённым, не желавшим в сложной обстановке менять насиженные места. Так, секретарь посольства в Пекине И.П. Митрофанов, поблагодарив С.Д. Сазонова за добрую память, от нового назначения уклонился, и посланник кн. Кудашев с радостью удержал полезного для его посольства сотрудника³⁴. Б.А. Бахметев попытался воспрепятствовать изменениям в личном составе посольства в Вашингтоне³⁵. Сазонов сердился, настаивал на исполнении своих распоряжений. Он добился устранения Пилара, передав управление миссией молодому дипломату барону Л.Р. Розену³⁶. Жёстко и нетерпеливо он требовал исполнения своего предписания о переводе из Рима в Стамбул В.А. Бардашевского, до войны служившего во втором политическом (ближневосточном) отделе³⁷. В середине февраля посол в Вашингтоне, отказывавшийся ранее принимать назначенцев министра под предлогом того, что американские власти терпят существование представительства по факту, но им не понравятся изменения в его составе (аргумент, нередко использовавшийся главами миссий), сообщил, что служивший до войны в Румынии кн. М.А. Гагарин прибыл к месту службы и приступил к исполнению обязанностей первого секретаря³⁸.

Для проведения преобразований в заграничном представительстве в тревожной и запутанной обстановке начала 1920 г. необходим был центральный «общероссийский» орган. Ещё в начале декабря 1919 г. Б.А. Бахметев, один из наиболее активных глав представительств Заграничного корпуса, предложил министру узурпировать власть, перенеся центр управления внешней политикой в Париж или Лондон, и выражал готовность подписаться под общим заявлением послов по этому вопросу³⁹. Однако умудрённый опытом министр на это не пошёл. Более того, приняв во внимание, что после роспуска Русского политического совещания (РПС) и падения Верховного правителя не оставалось другого органа, который хотя бы условно мог говорить от имени России, он уступил «власть» Политической делегации. Это было нелёгкое решение. Будучи членом этого органа, С.Д. Сазонов давно находился в жёсткой конфронтации с большей частью его состава. Рассчитывать на то, что он сможет контролировать его деятельность, не было никаких оснований.

Делегации было доверено право распоряжаться сохранившимися в Европе русскими деньгами, на неё была возложена ответственность за сокращение необоснованно разросшегося представительства за рубежом (помимо Заграничного дипломатического корпуса, существовало множество военных, торговых и иных миссий, за границей пребывали делегации, командированные разными

³⁴ Кн. Кудашев – министру 13 января 1920 г. № 20. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 190.

³⁵ Б.А. Бахметев – министру 14 января 1920 г. № 27. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 192.

³⁶ Там же. Л. 197.

³⁷ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 243, 240, 246, 247, 248.

³⁸ Б.А. Бахметев – министру 17 февраля 1920 г. № 106. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 271.

³⁹ Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову 8 декабря 1919 г. «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 130.

белыми правительствами). В условиях поражений Белого движения в России эти учреждения не только не стремились сократить свои расходы, но боролись за увеличение ассигнований.

Однако разработка новой структуры представительства и его штатного расписания требовала кропотливой бюрократической работы, к которой члены Делегации, по преимуществу общественные и политические деятели, явно не тяготели. Не обременяя себя рутинной перепиской с посольствами в разных странах с тем, чтобы уточнить состав представительств и понять, как и на сколько их можно или нужно сократить с минимальным ущербом для дела, Делегация, по выражению её члена Маклакова, стала «наседать» на руководителей ведомств и получила закономерный результат в виде саботажа⁴⁰.

Исключением стал С.Д. Сазонов, который сам поставил вопрос о сокращении Заграничного корпуса. При этом он изъявил готовность урезать собственное жалованье до уровня даже не посла, а посланника. Для разработки вопроса министр создал комиссию под руководством барона Нольде. Последняя видела два пути решения задачи: уменьшение окладов, «и без того не соответствующих условиям теперешней жизни», при сохранении всего личного состава, «который при этом не мог бы искать дополнительного заработка на стороне», или же сокращение штатов, «при сохранении существующих окладов, за исключением посольского и посланниковского»⁴¹. Предпочтение при соблюдении условия сохранения репрезентативности Корпуса в мире было отдано второму варианту.

Сокращения были чрезвычайно болезненными для ведомства, где многие сотрудники работали десятилетиями, будучи связаны родством или дружбой, не имели знаний и опыта в других сферах. Естественно, не обошлось без ошибок, разочарований, обид и закулисных интриг. По свидетельству Г.Н. Михайловского, «находившиеся в Париже чиновники, всячески старались сократить штаты дипломатического ведомства вне Парижа, чтобы как можно больше мест оставить за собой в центральном управлении»⁴². Комиссия Нольде не стала советоваться по кадровым вопросам с главами представительств, поставив всех перед фактом урезанного штатного расписания.

В итоге было решено ограничить штат посольств в Париже, Лондоне и Вашингтоне послом, советником, одним первым секретарём и двумя вторыми. В Париже были сохранены места двух помощников секретаря. В посольствах Рима и Токио работу должен был продолжить только один второй секретарь. Штаты всех миссий лишились должности советника. Она была сохранена лишь в Стокгольме – для возможности командирования лица достаточно высокого ранга в Финляндию, где не существовало полноценного дипломатического представительства. Представительствам в Стокгольме, Белграде, Бухаресте

⁴⁰ Там же. С. 185.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 25. Л. 3-6.

⁴² Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 468.

и Афинах предстояло продолжить деятельность в составе посланника, первого и второго секретарей; в Берлине и Брюсселе – посланника и первого секретаря. Лишались своих сотрудников посланник при Ватикане, поверенные в делах в Мадриде, Гааге, Каире, Праге, Христиании, Копенгагене и Цетине. В составе миссий в Тегеране и Пекине были сохранены должности посланника, первого и второго секретарей, первого и второго драгоманов. Также были выделены средства на содержание консульств – не более четырёх в Китае и Персии, не более трёх во Франции, Англии, Соединённых Штатах и Японии, не более двух в Италии, Норвегии, Румынии и Сербии и не более одного в остальных странах, где имелось российское консульское представительство⁴³.

Интересно, что в подготовленном комиссией Нольде итоговом документе не упоминаются существовавшие на тот момент учреждения Корпуса в Швейцарии, Болгарии, ряд представительств на Дальнем Востоке, в Латинской Америке, Канаде. Это, однако, не выводило их за рамки кампании сокращения. Возможно, существовал какой-то дополнительный, пока не выявленный акт, регулировавший вопрос в их отношении.

Содержание послов по новому штатному расписанию должно было составлять 250 ф. ст. в месяц, посланников – 125, посланника в Ватикане – 100 ф. ст., остальных чинов «в размере, установленном действующими законами»⁴⁴.

Утвердив ряд общих положений о составе служащих, комиссия в вопросе об их жалованье ограничилась словами «узаконенное содержание», а Делегация, не рассмотрев проект по существу и ориентируясь исключительно на сокращение сметы, этот документ одобрила. «А затем на подпись Сазонову было представлено особое “разъяснение”, согласно которому это “узаконенное содержание” исчислялось следующим образом: из рублей переводилось в фунты по старому курсу, а из фунтов в местную валюту – по новому. В результате жалованье, например, в Париже, возросло в 2,5 раза»⁴⁵. Маклаков как анекдот передаёт факт, что он сам, член Делегации, первым выступил с протестом против уже утверждённой ею схемы. Вопрос был пересмотрен, размен на фунты отменён⁴⁶.

Адаптация Корпуса к работе в новых реалиях

Решение Делегации циркуляром под номером 55 было разослано представителям. Их реакция, с одной стороны, выявила слабые места и упущения в подготовленном акте, с другой – состояние Корпуса, его управляемость. Так, И.Н. Ефремов, при том, что в циркуляре возглавлявшаяся им миссия в Берне не упомянута, задался вопросами юридического положения попавших под

⁴³ ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 25. Л. 3–6.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 185.

⁴⁶ Там же.

сокращение подчинённых. Его беспокоило, надо ли их считать уволенными или оставленными за штатом; сохраняют ли они право носить звания по занимаемым должностям и могут ли рассчитывать на восстановление в служебных правах (на пенсии и т. п.) при изменении ситуации. Его заботило также, приобретают ли сокращаемые штатные служащие свободу в выборе новой службы, имеют ли они, в частности, право поступать на службу другого государства. Посланник предложил централизованно, от имени ведомства, с пометкой «по приказанию г. Министра иностранных дел» выдать на руки уходящим документ, содержащий ответы на эти вопросы⁴⁷. Нольде ответил Ефремову, что не видит препятствий к тому, чтобы лица, подлежащие увольнению по циркуляру №55, сохраняли звание состоящих при миссии⁴⁸, но, насколько можно судить, никакой акт, регулирующий их положение, так и не был создан.

Если общее недовольство принятыми решениями и даже сопротивление им можно было предвидеть, то в процессе их осуществления возникали казусы, вероятность которых не мог предположить никто. Так, возмущение Бахметева вызвало получение телеграмм и даже предписаний, в которых РПД устанавливала содержание чинов финансовой части, циркуляров, касавшихся закрытия консульств в США. Всю эту «деятельность» посол охарактеризовал как смехотворную⁴⁹. Резкую отповедь вызвал у него запрос кн. Львова заместителю торгового агента о предположениях по дальнейшему финансированию агентства⁵⁰. Бахметев просил напомнить Львову, что «сношения с официальными учреждениями, фактически подчинёнными посольству, помимо последнего, вносят смуту и беспорядок»⁵¹. Посол запросил у министра иностранных дел полномочий на преобразование представительства в США и в дальнейшем переписку по всем вопросам, связанным с сокращениями, вёл только с ним⁵².

На Дальнем Востоке, который уже год финансировался автономно за счёт боксёрских выплат⁵³, общее недовольство ведомства сокращениями достигло апогея и грозило перерасти в бунт⁵⁴.

Новое штатное расписание МИДа оставляло в Китае четыре консульства против существовавших девятнадцати, до трёх с прежних пяти должно было сократиться их количество в Японии. Посланник в Пекине кн. Н.А. Кудашев писал «в центр» о принципиальной невозможности изменить служебное расписание

⁴⁷ И.Н. Ефремов – С.Д. Сазонову 21 февраля 1920 г. ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–6.

⁴⁸ Б.Э. Нольде – И.Н. Ефремову 26 апреля 1920 г. ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

⁴⁹ Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову 27 февраля 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!..» Т. 1. С. 182.

⁵⁰ Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову 30 марта 1920 г. Там же. С. 196.

⁵¹ Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову 25 марта 1920 г. № 175. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 271.

⁵² ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 279, 285, 287.

⁵³ Боксёрские выплаты – контрибуция, наложенная странами-союзниками (Великобритания, Австро-Венгрия, Бельгия, Франция, Германия, Италия, Япония, Россия, Нидерланды, Испания, Соединённые Штаты) на Китай после подавления ими боксёрского восстания 1898–1901 гг. Всего около в пересчёте 1,5 млрд золотых руб., из которых России причиталось около 29%.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 15, 21.

на Дальнем Востоке, ссылаясь на то, что 1) в решении вопроса об использовании средств, поступающих в счёт контрибуции, участвовали Китай и Франция; 2) в Китае трактатные права, особенно консульской юрисдикции, базировались на нормальном функционировании всех консульств; 3) внесение изменений в сложившийся *status quo* грозит привести к тому, что «при царивших в Китае настроениях, восстановить утраченное будет невозможно». Сгоряча он написал даже, что «положение в Китае отлично от положения в других странах, особенно в Европе и Америке, где можно будет совсем упразднить всякое представительство без ущерба русскому делу и где сохранение его ценно почти исключительно в видах сохранения старого аппарата»⁵⁵. Кн. Кудашев отказался выполнять распоряжения в отношении подведомственных ему учреждений в Китае, Гонконге и Сингапуре, пообещав «при первой возможности» ликвидировать консульство в Сиаме (совр. Таиланд)⁵⁶. Его позицию разделил посол в Японии, дополнивший возможные отрицательные последствия предписанной Парижем меры опасением полного разложения в представительстве в Японии, «в котором и без того лишь с трудом удаётся поддержать дисциплину и порядок»⁵⁷. Соотношение сил было таково, что на некоторое время вопрос был отложен. В апреле уже М.Н. Гирс, в качестве старейшины Корпуса, вернулся к этой проблеме. Указав на то, что «в Европе проведены с 1 февраля решительные сокращения расходов и штатов служащих»⁵⁸, он предложил главам влиятельнейших представительства дальневосточного региона сообщить свои соображения по сокращению штатов на основании положений циркуляра №55. Отдавая себе отчёт в том, что деньги Русско-азиатского банка от боксёрских поступлений фактически находятся в руках Кудашева, Гирс согласился на сохранение всех консульств в Китае при условии, что их штаты будут сокращены до минимума, и выразил готовность рассмотреть соображения посланника по поводу сохранения консульств в Сингапуре и Гонконге⁵⁹. В июле он сделал новую уступку, сняв этот вопрос с рассмотрения. Таковую же вынужденную лояльность он проявил и в отношении представительства в Японии, предложив послу в Токио самому разработать проект сокращений, «имея ввиду, что рассчитывать на кредиты в 100 тыс. фунтов нельзя»⁶⁰. Введение новых штатов на Дальнем Востоке было отложено до 1 сентября⁶¹.

⁵⁵ Там же. Д. 3548. Л. 161об.

⁵⁶ Там же. Л. 162об.

⁵⁷ В.Н. Крупенский – М.Н. Гирсу 21 июня 1920 г. № 204. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 193об.

⁵⁸ М.Н. Гирс – В.Н. Крупенскому 9 апреля 1920 г. № 769. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 133.

⁵⁹ М.Н. Гирс – Н.А. Кудашеву 10 апреля 1920 г. № 775. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 143.

⁶⁰ М.Н. Гирс – В.Н. Крупенскому 9 апреля 1920 г. № 769. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 133.

⁶¹ Там же.

Телеграммы с просьбами откорректировать положение в зависимости от местных условий сыпались в Париж из разных городов и стран. Неофициальный представитель Белого движения в Праге В.Т. Рафальский⁶² просил разрешения сохранить на службе своего единственного, крайне необходимого ему сотрудника, до момента прекращения выплаты кредита на содержание миссии чешским МИД⁶³. А.А. Смирнов, камергер императорского двора, действительный статский советник, более полутора десятка лет проводивший в Египте в качестве чрезвычайного посланника, согласился с понижением своего ранга до поверенного в делах и соответствующим снижением жалованья, но отчаянно искал возможности сохранения на службе своих подчинённых. При этом он использовал широко применявшийся в это время и другими главами миссий аргумент, заключавшийся в том, что агентство, которым он руководил, за отсутствием законно признанного правительства продолжало действовать «по инерции», и любые изменения статуса или новые назначения могли лишь ускорить его закрытие⁶⁴. В феврале он просил разрешения сохранить все консульские учреждения, рассчитывая содержать их в первую треть года за счёт англо-египетских субсидий, а в случае высылки ему «причитающейся по закону суммы на содержание агентства и одного консульства (за две трети – 3.529 фунтов), просуществовать в условиях жёсткой экономии до конца года, оставляя одно консульство в Александрии, сохраняя заведование консульскими делами в Каире и Порт-Саиде»⁶⁵. Урезав своё жалованье, он готов был в случае необходимости сократить содержание штатных сотрудников, но указывал, что «ничтожные оклады» нештатных уменьшить невозможно⁶⁶. В конце апреля Смирнов сообщил, что в связи с наплывом беженцев он сохранил на службе полный состав агентства и консульств. Более того, в связи с многократно возросшим объёмом работы он просил разрешения увеличить состав учреждений по крайней мере на двоих служащих с жалованьем по 40 фунтов в месяц. Не получив ответа, он повторил своё обращение в июне 1920 г.⁶⁷

Меняющаяся обстановка в остававшиеся Белому движению месяцы активно требовала корректировки как штатного расписания Корпуса, так и его сметы. Несмотря на меры по сокращению штатов, уже в феврале острая необходимость вынудила управлявшего представительством в Константинополе генерального консула Н.П. Якимова ходатайствовать о временном

⁶² В.Т. Рафальский Министру 9 февраля 1920 г. № 7. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 22об. Чешские власти в ответ на запрос колчаковского правительства об установлении дипломатических отношений предложили прислать неофициальное представительство, которое должно было бы получить формальную аккредитацию сразу после признания русского правительства. Решение о признании официальная Прага готова была принять вслед за Великобританией и Францией.

⁶³ В.Т. Рафальский – министру 9 февраля 1920 г. № 7. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 22об.

⁶⁴ А.А. Смирнов – министру 4 февраля 1920 г. *ГАРФ*. Ф. 6851. Д. 57. Л. 207.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ А.А. Смирнов – министру 5 февраля 1920 г. № 13. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 92.

⁶⁷ А.А. Смирнов – министру 26 апреля, 8 июня 1920 г. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 234об. Д. 3548. Л. 134об.

причислении к миссии прибывшего с юга России бывшего помощника секретаря второго (ближневосточного) политического отдела кн. Сергея Гагарина⁶⁸. Весной с просьбой утвердить ассигнования на юрисконсульта обратился в Париж возглавивший это посольство А.А. Нератов. Он аргументировал свой запрос юридическими проблемами, которые должны были возникнуть в связи с планами держав расширить капитуляционный режим, а также валом проблем, вызванным «вторжением» резко выросшего количества беженцев в экономику Турции⁶⁹. Назначенный в 1919 г. главой представительства в Варшаве бывший секретарь миссии в Карлсруэ Г.Н. Кутепов возмущался сокращением ассигнований в четвёртый раз за восьмимесячный срок, уменьшением вдвое окладов штатных служащих, и настаивал на невозможности урезать размер содержания пяти нештатных сотрудников, «совершенно необходимых для работы»⁷⁰.

Приходили и просьбы за подлежащих сокращению чиновников. Министр по мере возможности оказывал снисхождение тому или иному подчинённому. Так, он разрешил посланнику в Румынии «ввиду больших заслуг вице-консула Сроева» оставить его на службе⁷¹.

Обстоятельства вынуждали создавать не только новые должности в некоторых представительствах, но и сами представительства. В начале года приступила к работе миссия в Софии. Министр беспокоился о представительстве русских интересов в Иерусалиме. Ввиду затруднений с возвращением к месту службы бывшего вице-консула в Яффе С.П. Разумовского, Сазонов передал управление делами в Святой Земле находившемуся на месте генеральному консулу в Иерусалиме А.Ф. Круглову и поручил посланнику в Каире урегулировать этот вопрос с англичанами⁷². Была профинансирована деятельность назначенного Северо-Западным правительством представлять русские интересы в Риге В.А. Преснякова, при этом, однако, ему было указано на недопустимость именовать консулом, «так как это предопределяло бы признание нами отделения латышской части Прибалтики»⁷³. Курировавший финскую политику посланник в Стокгольме К.Н. Гулькевич поднял вопрос о выделении средств на содержание возглавлявшего Русский комитет в Гельсингфорсе последнего директора Пажеского корпуса полковника А.Н. Фену, обосновав это необходимостью для соотечественников иметь в Финляндии защитника русской колонии⁷⁴.

⁶⁸ Н.П. Якимов – министру 10 февраля 1920 г. № 32. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 216.

⁶⁹ А.А. Нератов – В.А. Маклакову 6 апреля 1920 г. №340. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 134об.

⁷⁰ Г.Н. Кутепов – министру 13 апреля 1920 г. № 60. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 193об.

⁷¹ Министр – С.А. Поклевскому-Козелл 17 марта 1920 г. № 375. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 263.

⁷² Министр – А.А. Смирнову 28 апреля 1920 г. № 592. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 223.

⁷³ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 8.

⁷⁴ К.Н. Гулькевич – министру 23 марта 1920 г. № 349. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 155об.

Изменения в практике заграничных представительств

Представительства в разных странах продолжали работать в соответствии со своим функционалом, но в исследуемый период начались изменения в структуре их деятельности.

Всё больше внимания практически всех представительств, от работавших в Финляндии, Норвегии и Швеции на северо-западе, в Египте – на юге, в Китае и Японии на востоке – занимала поддержка русского беженства. К весне 1920 г., после разгрома Колчака, эвакуации Миллера с севера России, интернирования частей Северо-Западной армии в Эстонии, после новороссийской катастрофы, эта работа приобрела весьма серьёзные масштабы. Перед представительствами встали задачи согласовать разрешения на въезд в страны новых и новых групп соотечественников, помочь их разместить, и найти для них средства существования. Против всех действовавших ранее правил, порой беженцы находили приют в зданиях посольств. В апреле 1920 г. назначенный Деникиным представлять интересы его правительства в Турции А.И. Щербатской сообщал из Константинополя: «В главном здании посольства все жилые и нежилые комнаты заполнены сотнями беженцев⁷⁵, среди коих за последние дни произошёл один установленный и два подозрительных случая сыпного тифа»⁷⁶.

Затруднения с приёмом новых партий русских появились у Королевства сербов, хорватов и словенцев. В Сербии ещё в 1919 г. сформировалась довольно значительная русская колония. Для помощи оставшимся без средств к существованию «гостям» правительство ежемесячно выделяло квоту для размена русской валюты по льготному курсу, во много раз превышавшему её биржевую стоимость. К началу 1920 г. королевство оказалось не в состоянии выделить дополнительные средства, а увеличение претендентов на льготный размен неизбежно ухудшило бы положение тех, кто уже находился в стране. Русский посланник В.Н. Штрандтман, работавший в Сербии с 1911 г., прошёл путь от 1-го секретаря посольства до поверенного в делах в 1914 г., и в 1919 г. возглавил колчаковскую миссию. Он не считал допустимым отказывать в помощи на том основании, что кто-то оказался в тяжелейшей ситуации позже других. Весной 1920 г. ему пришлось вести переговоры с правительством о переезде в королевство 2,5 тысяч человек из Эстонии, 15 тысяч военнослужащих армии Бредова из Польши, 400 офицеров из Тульчи, 500 русских беженцев с острова Принкипо (Миронова 2021: 81–97).

⁷⁵ По данным, приведённым В. Ильяшенко, только за один январский день в здание посольства было заселено 470 человек. Здание не отапливалось, периодически гасло электричество. *НИА. РПУС* 19-2. Цит. по: (Будницкий 2008: 240–241).

⁷⁶ А.И. Щербатской – министру 13 апреля 1920 г. № 145. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 191об.

Дипломаты старались подготовить для соотечественников запасы одежды, отправив в Сербию часть обмундирования, доставленного в Японию⁷⁷. Людей надо было кормить, помочь им хотя бы минимально обустроиться, на что нужны были деньги. Посланник в Пекине раз за разом запрашивал разрешение послать полученные им для армии Войцеховского 25 тыс. ф. ст. на помощь остаткам армии атамана Анненкова и беженцам из Туркестана, пребывавшим в ужасных условиях в западном Китае⁷⁸. Смирнов из Каира сообщал, что благодаря полученным из Парижа деньгам удалось оказать «существенную поддержку врачебному персоналу, сёстрам, отдельным лицам». Но нужду в помощи беженцам, численность которых достигла трёх тысяч, удовлетворить не удавалось, в связи с чем он просил новых переводов⁷⁹.

Уже в первые месяцы 1920 г. дипломаты подняли вопрос о том, что раздачей денег нужду не удовлетворить: надо не просто кормить людей, а дать им возможность зарабатывать. «Так как содержание наших выселенцев не может продолжаться неопределённое время, – писал Щербатской из Константинополя, – то является, по моему мнению, делом особой важности уделять часть отпускаемых средств на поощрение предприятий, могущих дать пропитание»⁸⁰. Е.В. Саблин, возглавивший представительство в Лондоне, сообщал об открытии при приходском совете кооперативе для трудоустройства нуждающихся русских, особенно офицеров⁸¹.

Важной составляющей работы посольств стала борьба за сохранение русского имущества за рубежом, как государственного, так и частного, на которое появилось много претендентов.

Так, в Китае в центре внимания были Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) и отделение созданного в 1910 г. Русско-азиатского банка, куда, в том числе, поступали средства от боксёрских выплат. Посланник в Пекине кн. Н.А. Кудашев предложил спасти банк путём создания под французским флагом новой финансовой организации «для русско-азиатской торговли», все акции которой, или только их контрольный пакет, оставались бы в распоряжении Русско-азиатского банка. Он полагал возможным передать этому учреждению в пользование всё имущество банка за границей и все его неполитические операции. В Пекине и Шанхае должны были, по его мысли, остаться представители Русско-азиатского банка «для заведования де-юре вместе с французами такими операциями, для которых русское участие было необходимо: боксёрские вознаграждения, займы, КВЖД и др.»⁸². Что касается железной дороги, то дипломат

⁷⁷ В.А. Маклаков – послу в Вашингтон 17, 19 апреля 1920 г. № 531, 543. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 197, 201.

⁷⁸ Н.А. Кудашев – министру 21, 25 мая 1920 г. № 383, 392. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Лл. 59об., 68об.

⁷⁹ А.А. Смирнов – министру апрель 1920 г. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 199об.

⁸⁰ А.И. Щербатской – министру 13 апреля 1920 г. № 145. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 191об.

⁸¹ Е.В. Саблин – министру 11 мая 1920 г. № 257. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 35об.

⁸² Н.А. Кудашев 31 января 1920 г. № 157. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 213.

рекомендовал созвать собрание акционеров для выбора нового русско-китайского правления в Пекине и для рассмотрения вопроса её финансирования. По его мысли, последнее следовало поручить новому банку при условии фактического контроля его агентами «хозяйства дороги через посредство Совета при Управляющем железной дорогой в Харбине (состоящего из двоих русских, двоих французов, двоих китайских членов с широкими административными полномочиями)». Посланник полагал, что проект основан на праве и достаточно учитывает французские интересы, чтобы устроить Париж⁸³. Однако ввиду угрозы пересмотра актов, определявших положение КВЖД, с этим планом не согласился Сазонов, уповав на обещание Франции поддержать интересы Дороги на основе status quo. Кредит на разрешение острого финансового кризиса КВЖД Сазонов рассчитывал получить в Америке, особо оговорив при этом, что займ не должен сопровождаться политическими требованиями⁸⁴. В июле 1920 г. посол в Японии, извещая центр об инициативе Лондона по поводу финансирования КВЖД действующим в Китае международным консорциумом, занял, по существу, такую же позицию. В.Н. Крупенский высказывал опасение, что такое решение проблемы привело бы к губительным последствиям – «интернационализации дороги и, следовательно, к окончательной её потере для нас»⁸⁵.

Посланника в Белграде В.Н. Штрандтмана в середине апреля беспокоила судьба сохранившихся за рубежом денег Добармии: его английский коллега обмолвился о планах Лондона арестовать их, а также продать находившиеся в иностранных портах русские военные суда с тем, чтобы вырученные деньги «направить на помощь нашим беженцам»⁸⁶. Британские власти и в самом деле стали захватывать русские корабли, задача вызволения которых пала на долю поверенного в делах в Англии⁸⁷.

Решение повседневных задач не вытеснило из поля зрения руководства Корпуса вопросы будущего соотечественников за рубежом в случае неблагоприятного окончания вооружённой борьбы на Родине.

Начало переговоров Италии с большевистской Россией побудило посла в Риме задуматься о судьбе находившейся на его попечении русской колонии. Категорическое неприятие беженцами перспективы признания над собой юрисдикции Советского правительства ставило вопрос о том, кто и каким образом возьмёт на себя защиту их интересов. Опытный дипломат М.Н. Гирс подготовил специальный «мемуар» для правительства, при котором он был аккредитован. Разрабатывая этот документ, дипломат пришёл к выводу, что будущее – за созданием русских беженских организаций, поставленных под защиту местных

⁸³ Там же. Л. 213об.

⁸⁴ С.Д. Сазонов – Б.А. Бахметеву 21 мая 1920 г. № 688. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 33.

⁸⁵ В.Н. Крупенский – М.Н. Гирсу 1 июля 1920 г. № 209. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3548. Л. 230об.

⁸⁶ В.Н. Штрандтман – министру 17 апреля 1920 г. № 157. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 213об.

⁸⁷ Е.В. Саблин – министру 14 мая 1920 г. № 208. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547 Л. 160об; Д. 3548. Л. 38об.

законов и властей. Он не исключал возможности обращения беженцев к итальянским властям для получения необходимых актов гражданского состояния, хотя считал, что «эта практика может быть заменена рекомендациями и аттестациями» эмигрантских организаций. Специально остановился он на защите прав русских на их движимую и недвижимую собственность в Италии вне зависимости от того, живут ли они в стране⁸⁸. «Мемуар» Гирса был одобрен министром и по его распоряжению циркулярно разослан представительствам с рекомендацией подготовить аналогичные предложения применительно к местным условиям.

Финансовая проблема

Дипломаты понимали, что ни продолжение борьбы, ни поддержка беженцев, ни существование русских учреждений невозможны без финансового обеспечения. В конце декабря 1919 г. хранители казённых средств в Великобритании К.Е. фон Замен и Франции Н.Л. Рафалович передали контроль над фондами, которые оставались в их распоряжении, Политической делегации. Это означало, что «трата денег впредь будет делаться по журналам Делегации»⁸⁹. Решение, как писал Маклаков, не лучшее, но другого «общерусского» политического органа на тот момент просто не существовало⁹⁰. При этом за скобками оставались очень большие суммы на счетах финансовых агентов С.Д. Угета в США и К.К. Миллера в Японии.

В январе парижское руководство предприняло попытку существенно ограничить финансовую независимость русского посольства в Вашингтоне, предписав перевести в Европу 5 млн 847 тыс. долларов из хранившихся на его счетах средств. Финансовый агент понимал, что такая сумма требовалась для обеспечения материального положения «центра» и его платёжеспособности. В своё время европейские правительства секвестировали все хранившиеся за рубежом русские государственные фонды (Миронова 2023а: 435–436), и Угет опасался за судьбу затребованной суммы. Впрочем, как считает специально изучавший вопрос О.В. Будницкий, беспокоился он напрасно. Опытнейший финансист, находившийся на пике своего профессионализма, К.Е. фон Замен «принял меры для сокрытия казённых сумм от докучливых кредиторов Российского государства, как и от советских агентов» (Будницкий 2008: 225).

На первую треть года (финансирование зарубежных представительств традиционно велось по третям) деньги были ассигнованы ещё в декабре⁹¹. 6 февраля 1920 г. фон Замен доложил делегации о суммах, на которые она могла

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–36 об.

⁸⁹ Б.Э. Нольде – К.Н. Гулькевичу, 31 января 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.

⁹⁰ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву, 12 марта 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 184.

⁹¹ Б.Э. Нольде – К.Н. Гулькевичу, 31 января 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.

рассчитывать, и о мерах по их защите. Дипломаты тогда уже думали на перспективу, беспокоились о выделении средств, пусть и меньших, на будущий год. Однако, как констатировал Нольде, в дело было внесено столько «политиканства», что результат переговоров оказался минимален⁹². Дальнейшая деятельность дипломатического ведомства по сбору средств небольшевистской России легла на М.Н. Гирса и велась после создания правительства в Крыму.

Вопрос о возможности сдачи дел советским представительствам

В связи с плохими вестями из России посол Крупенский ещё в первой половине февраля 1920 г. инициировал рассмотрение вопроса об образе действий миссий в случае международного признания Советского правительства и прибытия в страны представителей большевиков⁹³. Разделив эти опасения, Сазонов подготовил циркуляр №307, который 3 марта 1920 г. под грифом «совершенно секретно» был разослан представительствам. Согласно его смыслу, никакая преемственность, передача дипломатического учреждения «большевикам» не допускалась. Предписывалось закрыть представительство, уничтожить наиболее секретный архив последних лет и шифры в случае сохранения опасности их передачи советским агентам. Всё казённое имущество надлежало по описи передать местному правительству. Сазонов настаивал на сохранении связи даже закрытых представительств с правительством Деникина и с «парижским центром» вне зависимости от того, будет ли во главе него стоять он или М.Н. Гирс⁹⁴. Сообщая о получении циркуляра, посланник и генеральный консул в Копенгагене отвечали, что «в случае наступления предвидимых событий ... [ими – Авт.] будут приняты меры к точному исполнению преподанных инструкций»⁹⁵.

Положение С.Д. Сазонова в первые месяцы 1920 г.

В начале февраля 1920 г. забрезжила надежда на преодоление кризиса Белого движения, вызванного падением Колчака. Министр написал послу в Вашингтон, что «полнота власти сосредотачивается ныне в руках генерала Деникина, от имени которого будете по-прежнему получать указания от меня»⁹⁶. Однако не всё было благополучно лично для Сазонова. В военной среде, где давно зрело недовольство деятельностью министра иностранных дел, возобладало мнение, что русское дело в Версале испорчено «протестами Сазонова и всей его политикой»⁹⁷.

⁹² Б.Э. Нольде – К.Н. Гулькевичу, 27 февраля 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 9об.

⁹³ В.Н. Крупенский – министру 11 февраля 1920 г. № 43. ГАРФ. Ф. 6851. Оп.1. Д. 57. Л.181. Д. 56. Л. 213.

⁹⁴ Циркуляр № 307 от 3 марта 1920 г. ГАРФ. Ф. 5680. Оп.1. Д. 18. Л. 1.

⁹⁵ М.Ф. Мейейндорф – С.Д. Сазонову 16 марта 1920. № 13. ГАРФ. Ф. 5680. Оп.1. Д. 47. Л. 1.

⁹⁶ Министр – Б.А. Бахметеву 6 февраля 1920 г. № 159. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 8.

⁹⁷ Михайловский Г.Н. *Указ. соч.* Кн. 2. С. 189.

Главнокомандующий ВСЮР санкционировал создание Южно-Русского правительства под руководством Н.М. Мельникова, пост главы внешнеполитического ведомства в котором передал генералу Н.Н. Баратову. Это была уже вторая попытка сместить Сазонова. В конце своего правления (29 октября 1919 г.) Колчак назначил исполняющим обязанности председателя совета министров и министра иностранных дел Сергея Николаевича Третьякова⁹⁸. Сумятица тех дней, проблемы со связью стали, по-видимому, причиной того, что в русской политической среде этот акт прошёл незамеченным. Напротив, решение Деникина, по свидетельству Михайловского, было для русского Парижа «секретом Полишинеля». Однако Сазонов проигнорировал распоряжение главнокомандующего, в которого уже не верил, которого позволял себе называть «конченным человеком»⁹⁹. С другой стороны, и генерал Баратов, судя по всему, думал больше о деле, чем о власти. Он не спешил заявлять свои права и устранять предшественника, но вступил с Сазоновым в деловую переписку, адресуясь к нему как к министру¹⁰⁰. Проявляя невероятную выдержку, пренебрегая враждебностью некоторых коллег, Сергей Дмитриевич продолжал работать над обеспечением будущего Корпуса: «с прежним видом принимал посетителей» и «чины его канцелярии по-прежнему беспрекословно ему подчинялись»¹⁰¹. Министр сам – невозможная ситуация при нормально функционирующем государстве – выбрал себе преемника, М.Н. Гирса, и готовил для него позиции¹⁰². Михайловский следующим образом описывал происходившее: «В это неопределённое время, когда сам Сазонов не знал, министр он или нет (март 1920 г.), Гирс появлялся иногда в посольстве, любезно беседовал с членами дипломатического ведомства, заходил на короткое время к Сазонову и никогда – к Маклакову, подчёркивая этим, что пришёл, так сказать, в качестве частного лица. Мы знали, впрочем, что недалеко то время, когда Гирс появится на горизонте, как *Deus ex machine* [бог из машины, то есть неожиданная развязка – *Авт.*] для решения вопроса о главенстве в дипломатическом ведомстве»¹⁰³.

Установление отношений Корпуса с севастопольским правительством П.Н. Врангеля

Генерал барон П.Н. Врангель возглавил Белое движение 4 апреля, в критический момент его истории, когда оно не только потерпело целую серию стратегических поражений, но и когда серьёзная проблема обозначилась на внешнеполитическом фронте. Главные спонсоры Вооружённых сил юга России,

⁹⁸ Вербальная нота от 12 декабря 1919 г. *АВПРИ*. Ф.166. Оп. 508/3. Д. 30. Л. 17.

⁹⁹ Михайловский Г.Н. *Указ. соч.* Т. 2. С. 371.

¹⁰⁰ 28 февраля/12 марта 1920 г. № 182. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 170об.

¹⁰¹ Михайловский Г.Н. *Указ. соч.* Т. 2. С. 371.

¹⁰² Там же. С. 373.

¹⁰³ Там же. Т. 2. С. 338.

англичане, выдвинули ультиматум с требованием прекратить Гражданскую войну, ставшую «наиболее раздражающим фактором в Европе». Выразив готовность добиться от советского правительства обязательства амнистировать армию и население Крыма, Лондон без обиняков заявил, что прекращает какую-либо помощь Белому движению¹⁰⁴.

Новый главнокомандующий понимал, что ведение активной борьбы без поддержки союзников невозможно. Неотложную внешнеполитическую задачу он видел в том, чтобы «не дать возможности англичанам выйти из игры». С этой целью он решил переложить на них «всю тяжесть переговоров, всячески затягивая таковые»¹⁰⁵.

В первый месяц своего правления, не устанавливая связь с Заграничным корпусом, не консультируясь с министром иностранных дел, генерал лично вёл внешнюю политику. Он сумел договориться с британцами об условиях принятия ультиматума, согласно которым оглашение и исполнение его было отложено на два месяца. Целью было выиграть время¹⁰⁶.

Врангель в полной мере разделял недовольство своего окружения Сазоновым. Он считал, что глава внешнеполитического ведомства, «далеко стоявший от нашей борьбы, не был в состоянии учесть новую обстановку, приспособиться к новым условиям работы. Он не мог, – писал генерал, – примириться с тем, что положение представителя Великой России теперь другое, и, оберегая своё достоинство, всё время уходил от дела. Его присутствие в Париже стало бесполезным, да и по существу место руководителя внешней политикой должно было быть в центре государственного управления»¹⁰⁷.

Проводя полную реорганизацию правительственного аппарата, главнокомандующий сменил руководство управления иностранных сношений. Во главе своей дипломатии он поставил крупного учёного – экономиста и известного русского политика, в прошлом члена кадетского ЦК, активного члена Национального центра П.Б. Струве¹⁰⁸. На пост своего заместителя последний пригласил кн. Г. Трубецкого, профессионального дипломата, пользовавшегося большим уважением в ведомстве. Фактически возглавлявшего в отсутствие С.Д. Сазонова Управление внешних сношений Деникина А.А. Нератова Врангель отправил своим дипломатическим представителем в Константинополь с подчинением ему миссий на Балканском полуострове.

¹⁰⁴ Врангель П.Н. *Воспоминания...* С. 273.

¹⁰⁵ Там же. С. 281.

¹⁰⁶ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву 6 мая 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 205.

¹⁰⁷ Врангель П.Н. *Указ. соч.* С. 305.

¹⁰⁸ А.И. Щербатской – министру 14 апреля 1920 г. № 155. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 331.

Однако в условиях, которые сложились к тому времени в Белом стане, само по себе создание «центрального ведомства» иностранных сношений в Севастополе не могло означать ни автоматического подчинения ему Заграничного корпуса, ни обязательной отставки Сазонова. Дипломатический аппарат продолжал действовать в автономном режиме.

Барон Врангель не прислушался к совету А.В. Кривошеина, который в скором времени возглавил его правительство. Этот опытный политик, стараясь навести мосты между двумя центрами антибольшевистской борьбы, уже в начале апреля рекомендовал разъяснить миссиям, что новое правительство преследует прежние задачи, а также «воздержаться от всяких перемен (в) составе представительства [в рукописном оригинале телеграммы зачёркнуто «особенно в Париже» – Авт.]»¹⁰⁹. Однако Севастополь решил полностью игнорировать не сдавшего дела Сазонова и сделал ставку на Маклакова. «В Париже, – писал Струве послу, – ...мы решили видеть только Вас»¹¹⁰.

Русские политические круги за границей чрезвычайно настороженно встретили известие о появлении на политической арене новых руководителей антибольшевистского движения. Они серьёзно изучали вопрос о своём отношении к попыткам создать в Крыму новое антибольшевистское правительство¹¹¹. Дипломатическое ведомство, будучи государственной структурой, не могло занять независимую позицию (В.А. Маклаков в начале 1920 г. призывал «держаться за последний кусочек территории, где остаётся хотя бы остаточек национальной власти...»¹¹²). Руководству Корпуса не могли не импонировать действия генерала по приведению армии в боеспособное состояние, наведению порядка в Крыму. Однако за действиями Врангеля дипломаты наблюдали с недоумением: их смущали создание правительства на фоне переговоров о «сдаче Крыма», не согласованные ни с кем распоряжения о смещении посланника в Константинополе Щербатского и назначении на этот пост Нератова, увольнении Сазонова, устранении Делегации, высказанная Врангелем готовность назначить «верховным» представителем на Западе генерала Драгомирова. Своё отношение к частным «актам власти» они поставили в зависимость от не слишком дипломатично заданного вопроса о том, собирается ли Крым бороться с большевиками¹¹³.

Несмотря на свои симпатии к благоволившему ему барону, Маклаков задавался вопросом: «нужно ли нам так же относиться к его [Врангеля – Авт.] поддержке, как мы делали относительно Колчака и Деникина»¹¹⁴. Не удивительно, что серьёзно сомневался в этом и Сазонов. В сложной, запутанной обстановке

¹⁰⁹ Министр – А.И. Щербатскому 2 апреля 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 304.

¹¹⁰ П.Б. Струве – В.А.Маклакову 13 апреля 1920 г. *Мосты*. 1970. № 15. С. 416.

¹¹¹ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 446.

¹¹² «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 158.

¹¹³ Письмо Б.Э. Нольдэ – К.Н. Гулькевичу 20 апреля 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 12об - 13.

¹¹⁴ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву 6 мая 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!..» Т. 1. С. 208.

он задался оскорбившим Струве вопросом, следует ли подчиняться генералу Врангеля¹¹⁵. Пытаясь уточнить полномочия нового главкома, министр обратился к представителю в Константинополе, на тот момент ещё Щербатскому, с вопросом, «передал ли генерал Деникин барону Врангелю только военную власть и какой в Крыму порядок управления»¹¹⁶. В ответ глава временной миссии донёс об избрании Врангеля советом военачальников и утверждении этого решения Деникиным¹¹⁷. Однако эта корректная информация не устроила и обеспокоила сменившего как раз в тот момент Щербатского на посту в Константинополе А.А. Нератова, поспешившего заявить, что власть сосредоточена в руках Врангеля в самой широкой полноте¹¹⁸. Струве не ограничился горячей поддержкой этого тезиса. Ему настолько претила сама постановка вопроса, что всегда следовавший букве закона и распоряжениям руководства «вечный» товарищ министра¹¹⁹ пошёл на явную фальсификацию, заявив несколькими днями позже, будто Врангель назначен Деникиным, а не избран советом¹²⁰.

Ситуация между тем лишней раз подтверждала справедливость присущей дипломатам иронии по поводу чуждости военным юридических тонкостей. В ходе бесед с Деникиным, которые призваны были разъяснить противоречия в донесениях Щербатского и Нератова, в этом вновь убедился поверенный в Лондоне. Генерал сообщил ему, что передал командование вооружёнными силами барону Врангелю. В вопросе о полноте государственной власти, полученной от Верховного правителя, бывший главнокомандующий не обнаружил уверенности, что такая передача состоялась в отношении него самого. «Генерал, – писал Е.В. Саблин, – не уяснивший себе, по-видимому, юридической стороны дела, считает в отношении барона Врангеля это несущественным, так как (по его замечанию) “Главномандующий располагает, очевидно, и гражданской властью, каковой располагал и я”». На замечание дипломата, что речь идёт не о гражданской власти, а о полноте государственной власти, «генерал предложил не возбуждать вопроса о “юридических тонкостях”¹²¹ и не мешать барону Врангелю делать дело»¹²².

¹¹⁵ П.Б. Струве – В.А. Маклакову 25 апреля 1920 г. *Мосты*. 1970. № 15. С. 419.

¹¹⁶ Министр – А.И. Щербатскому 14 апреля 1920 г. № 513. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 187.

¹¹⁷ А.И. Щербатской – министру 17 апреля 1920 № 162. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 201об.

¹¹⁸ А.И. Щербатской – министру 19 апреля 1920 № 165. Передаёт личную телеграмму А.А. Нератова. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 210об.

¹¹⁹ А.А. Нератов занимал пост товарища министра при сменяющихся министрах иностранных дел с 1910 по конец 1917 г.

¹²⁰ А.А. Нератов – В.А. Маклакову 22 апреля 1920 г. № 174. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 221об.

¹²¹ По этому вопросу в политическом истеблишменте Белых имелись разногласия. О.В. Будницкий приводит свидетельства П.Н. Милюкова о том, что генерал Деникин считал, что передал Врангелю только военное командование, но не верховную власть, и министра финансов Бернацкого о том, что Деникин передал Врангелю всю полноту власти. (Будницкий 2008: 245).

¹²² Е.В. Саблин – Министру 19 апреля 1920 г. № 209. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 213об.

14 апреля 1920 г. П.Б. Струве телеграфировал в Париж о том, что он принял пост с просьбой «оповестить» об этом глав заграничных представительств. В историографии высказывалось мнение об «идеальности» выбора Врангелем руководителя своего внешнеполитического ведомства (Brinkley 1966: 245). Однако у руководства Корпуса, вероятно, были основания в этом сомневаться: оно взяло паузу. П.Б. Струве не помогло даже то, что для дипломатов он не был совсем «чуждым элементом» – в своё время успел поработать в МИД, а весной 1919 г. активно действовал в Париже в качестве уполномоченного Национального центра (Пайпс 2001: 348). В ведомстве сложившаяся ситуация отзывалась определённым замешательством. «Правда ли что ушёл в отставку С.Д. Сазонов? – беспокоился из Хельсинки А.В. Карташов. – Кто на место его и кто вообще теперь наше начальство?»¹²³.

23 апреля Врангель командировал главу своего внешнеполитического ведомства в тот самый Париж, пребывание в котором сделало Сазонова «бесплезным»¹²⁴. Руководители дипломатического ведомства, судя по телеграммам Маклакова, торопили с приездом финансиста Бернацкого, однако настойчиво пытались отговорить от поездки во Францию Струве¹²⁵. Их не могло не беспокоить сообщение главнокомандующего о том, что глава его внешнеполитического ведомства, помимо решения политических проблем, должен «организовать Русское представительство за границей на твёрдых и определённых началах, как равно и руководство деятельностью наших дипломатических представителей за границей»¹²⁶. Кроме того, Сазонов, неоднократно демонстрировавший лично и рекомендовавший другим лояльность по отношению к Врангелю, мог продолжать свою деятельность, пока Струве был в Севастополе, но прибытие последнего в Париж должно было положить конец двусмысленной ситуации, сложившейся в верхах белой дипломатии.

Врангель в русских общественных кругах за границей имел репутацию консерватора, монархиста и реакционера, а Струве – «централиста и украинофаба»¹²⁷, но ещё до установления отношений с дипломатическим корпусом они оба выказали готовность считаться с реалиями времени, что в значительной степени сняло сомнения дипломатов на их счёт.

В этой ситуации Сазонов проявил готовность поступиться личным положением, но не делом, в которое верил, на которое работал. В начале мая, чувствуя приближение конца своей карьеры, он настоял на возвращении Гирса из Рима в Париж¹²⁸.

¹²³ А.В. Карташов – К.Н. Гулькевичу 26 мая 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Струве Д. 72. Л. 41об.

¹²⁴ П.Н. Врангель – В.А. Маклакову 23 апреля / 6 мая 1920 г. № 411. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 181. Д. 56. Л. 328.

¹²⁵ В.А. Маклаков – А.А. Нератову. 30 апреля, 15 мая, №№ 603, 667. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 229, Д. 3548. Л. 21.

¹²⁶ П.Н. Врангель – В.А. Маклакову 23 апреля 1920 г. № 411. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 328.

¹²⁷ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву 6 мая 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!..» Т. 1. С. 206.

¹²⁸ Министр – М.Н. Гирсу 3 мая 1920 г. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 312.

27 мая в Париже Струве выступил с докладом в русской Политической делегации (Чемакин 2020: 365), членом которой был и Сазонов. В тот же день министр циркуляром известил Корпус о сложении с себя полномочий. С вопроса-ми о направлении дальнейшей работы и о согласовании действий он предложил своим бывшим подчинённым адресоваться к Михаилу Николаевичу Гирсу¹²⁹.

Заключение

В последний этап Гражданской войны русский Заграничный корпус вошёл не в качестве структуры севастопольского правительства, а как его партнёр. Руководство Корпуса признало опасным связывать свободу действий и саму судьбу ведомства с имевшим сомнительные перспективы Крымским правительством, усматривая свою задачу в защите ведомства от вмешательства «посторонних и малокомпетентных элементов»¹³⁰. При этом представительство приняло на себя обязательство всемерно помогать белой борьбе в России. Согласно заранее разработанной программе был предложен компромисс, по которому П.Б. Струве был признан министром, а М.Н. Гирс¹³¹ принял на себя согласование деятельности российского дипломатического представительства за границей с работой Управления внешних сношений при Главнокомандующем вооружёнными силами Юга России¹³². Таким образом, весной 1920 г. дипломатическое представительство приняло на себя осуществление внешнеполитических акций севастопольского правительства «по договорённости» как самостоятельная организация.

Сравнительно незначительный в рамках Гражданской войны период начала 1920 г. стал отправной точкой для решения вопросов продолжения деятельности Корпуса и форм бытия русского беженства в межвоенный период XX века.

История в полной мере подтвердила правоту С.Д. Сазонова и его сподвижников, которые не могли переломить объективные социальные и политические процессы в мире, но сумели сохранить своё ведомство, создать первые наметки удивительного феномена отечественной истории – государства «вне границ» – Русского Зарубежья, и благодаря этому способствовать спасению сотен тысяч жизней лишившихся Родины русских людей.

¹²⁹ С.Д. Сазонов – циркулярно посольствам и миссиям 27 мая 1920 г. № 709. ГАРФ. Ф. 6851. Оп.1. Д. 56. Л. 174.

¹³⁰ М.Н. Гирс – посланнику в Белграде В.Н. Штрандтману 13 января 1921 г. «Чему свидетели мы были...» Кн. 2. С. 404–405.

¹³¹ О.В. Будницкий приводит данные о том, что П.Б. Струве пытался провести на роль главы Корпуса В.А. Маклакова, но разделявший взгляды Сазонова и Гирса в последний год посол отклонил это предложение (Будницкий 2008: 249).

¹³² М.Н. Гирс – посольствам и миссиям 28 мая 1920 г. № 709. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 57. Л. 174; Ф. 5760. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

Об авторе:

Елена Михайловна Миронова – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. 119334, Москва, Ленинский проспект 32-А,
E-mail: alena.stankina@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: January 30, 2025
Accepted for publication: March 15, 2025
UDC: 94(47).083:327.82"1920"

Russian Non-Bolshevik Diplomacy Amidst the Crisis of the White Movement: Early 1920

 E.M. Mironova
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-2-101-69-98](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-2-101-69-98)

Institute of world history RAS

Abstract: Drawing upon extensive archival sources, this article examines a critical and challenging period in the history of the Foreign Diplomatic Corps of the White Movement. Despite the successive defeats experienced by the White armies within Russia, the diplomatic arm of the movement persisted in its operations abroad. Recognizing that subordination to Soviet authorities or the transfer of diplomatic responsibilities to representatives appointed by Moscow was unacceptable, the Corps' leadership opted to maintain organizational autonomy in the event of an unfavorable outcome to the Civil War. To achieve this goal, efforts were made to restore internal hierarchy and discipline, streamline the diplomatic staff, and preserve the representational functions of Corps institutions worldwide. Securing sustainable financial support for ongoing diplomatic activities also emerged as a priority.

Amid these organizational transformations, the Corps expanded its responsibilities by actively addressing the pressing needs of the rapidly growing Russian émigré community and protecting Russian assets overseas. The diplomatic leadership initiated discussions regarding legal safeguards for Russian citizens abroad, anticipating a potential defeat of the White Movement within Russia.

The rise of General Baron Wrangel to power in Sevastopol provoked mixed reactions among Russian émigré circles. Despite Foreign Minister S.D. Sazonov's demonstrated loyalty to Wrangel's government, the general chose to replace him, entrusting foreign policy management to P.B. Struve. Nevertheless, Sazonov successfully positioned Ambassador M.N. Girs, the Corps' most senior diplomat based in Rome, as the head of the Diplomatic Corps. Consequently, Struve and Girs jointly shared leadership and responsibility. Under this new arrangement, the Diplomatic Corps significantly reinforced its autonomous standing, effectively transforming itself from a subordinate agency into a fully recognized partner of the central authorities. This enhanced status provided the Corps with greater prospects for continuing its diplomatic activities following the conclusion of the Civil War in Russia.

Keywords: White Movement, Russian Civil War, Non-Bolshevik diplomacy, Foreign Diplomatic Corps, Russian emigration, Sergei Sazonov, Pyotr Struve, Baron Wrangel, diplomatic autonomy, Russian émigrés

About the author:

Elena M. Mironova – PhD (Historical science), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of world history RAS. Russia, 119334 Moscow, Leninsky Prospekt 32-A.
E-mail: alena.stankina@mail.ru.

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Brinkley G.A. 1966. *The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917–1921. A Study in the Politics and Diplomacy of the Russian Civil War*. London. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 466 p.
- Ullman R.H. 1968. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*. In 3 vols. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press. Vol. 2: Britain and the Russian Civil War. 396 p.
- Budnickij O.V. 2001. *Posly nesushchestvuyushchej strany* [Ambassadors of a Non-Existent Country]. «Sovershenno lichno i doveritel'no» B.A.Bahmetev – V.A.Maklakov. Perepiska 1919–1951. Moscow: Rosspen; Stenford: Izdatel'stvo Guverovskogo instituta, T. 1. P. 16–113. (In Russian)
- Budnickij O.V. 2008. *Den'gi russkoj emigracii: kolchakovskoe zoloto 1918–1957* [Money of the Russian Emigration: Kolchak's Gold 1918–1957]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 508 p. (In Russian)
- Chemakin A.A. 2020. Deyatel'nost' P.B. Struve kak ministra inostrannyh del pravitel'stva Yuga Rossii (1920) [Struve's Activities as Minister of Foreign Affairs of the Government of the South of Russia (1920)]. *Nauchnyj dialog* №12. P. 362–377. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377
- Ermakov V.P., Grishanin P.I. 2002. God 1920 v Krymu: «beloe delo» generala P.N. Vrangelya i pozicii pravitel'stva SShA [The Year 1920 in Crimea: The "White Case" of General P.N. Wrangel and the Position of the US Government]. *Aktual'nye problemy rossijskoj i mirovoj istorii*. Uchyonye zapiski. Vypusk I. Pyatigorsk. P. 99–107. (In Russian)
- Kroner E. 2011. *Belaya armiya, Chernyj baron: zhizn' generala Petra Vrangelya* [The White Army, the Black Baron: the Life of General Peter Wrangel.] Moscow: ROSSPEN. 462 p. (In Russian)
- Karlej M.D. 2017. Antibol'shevizm vo vneshnej politike Francii: pol'skij krizis 1920 g. [Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Polish Crisis of 1920]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij*. Moscow. 3(10). P. 52–73. (In Russian).
- Listikov S.V. 2009. World without Russia. "White" Representation at the Paris Peace Conference. *MGIMO Review of International Relations*. 1(4). P. 15–29. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-15-29 (In Russian)
- Mironova E.M. 2011. Polozhenie russkoj kolonii i sozdanie nebol'shevistskogo predstavitel'stva v Finlyandii (1917–1921) [The Situation of the Russian Colony and the Establishment of a Non-Bolshevik Representative Office in Finland (1917–1921)]. Saint Petersburg. *Klio*. №4. P. 77–83 (In Russian)

Mironova E.M. 2015. Kazusy rossijskogo predstavitel'stva v Shvejcarii v pervye porevolucionnyye gody (1917–1925 gg.) [Incidents of the Russian Representation in Switzerland in The Early Post-Revolutionary Years (1917–1925)]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Special'nyj vypusk «Istoriya bez kupyur». P. 132–145. (In Russian)

Mironova E.M. 2021. Zashchita russkoj diplomaticheskoy missiej v Belgrade interesov sootchestvennikov v Yugoslavii. 1919–1940 [Protection of the Interests of Compatriots in Yugoslavia by the Russian Diplomatic Mission in Belgrade. 1919–1940]. *Russkaya emigraciya na Balkanah*. Sbornik nauchnyh trudov. Skop'e. P. 81–97. (In Russian)

Mironova E.M. 2022. Mihail Nikolaevich Girs. Russkij diplomat v period grazhdanskoj vojny v Rossii i emigracii [Mikhail Nikolaevich Girs. Russian Diplomat During the Russian Civil War and Emigration]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 13(7(117)). (In Russian) DOI: 12.18254/S207987840022194-2

Mironova E.M. 2023a. Imperskaya diplomatiya na sluzhbe Rossii posle gibeli imperii (1917–1940) [Imperial Diplomacy in the Service of Russia after the Fall of the Empire (1917–1940)]. *Rossiya v centre istorii. Nauchnyj sbornik pamyati Niny Stepanovny Kinyapinoj (1920–2003)*. Moscow: Modest Kolerov, P. 433–467. (In Russian)

Mironova E.M. 2023b. Russkaya nebol'shevistskaya diplomatiya i vopros mezhdunarodnogo priznaniya Belogo dvizheniya v 1918–1920 gg. [Russian non-Bolshevik Diplomacy and the Issue of International Recognition of the White Movement in 1918–1920]. Moscow. *MGIMO Review of International Relations*. 16(1). P. 52–86. (In Russian) DOI: 10.24833/2071-8160-2023-1-88-52-86

Ross N. 1982. *Vrangel' v Krymu* [Wrangel is in Crimea]. Frankfurt am Main: Posev. 362 p. (In Russian)

Pajps P. 2001. *Struve. Biografiya* [Struve. Biography]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij. T. 2. 348 p. (In Russian)

Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya, 1918—1924 gg.: ot intervencii k priznaniyu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations, 1918–1924: from Intervention to Recognition]. Saint Petersburg: Nauka. 830 p. (In Russian)

Shmelyov A.V. 2017. *Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka. 1918–1919* [The Foreign Policy of Admiral Kolchak's Government. 1918–1919]. Saint Petersburg. 266 p. (In Russian)

Smolin V. 2017. *U zakrytyh dverej Versal'skogo dvorca. Parizhskaya mirnaya konferenciya i russkaya diplomatiya v 1919 g.* [At the Closed Doors of the Palace of Versailles. The Paris Peace Conference and Russian Diplomacy in 1919]. Saint Petersburg: Nauka. 419 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Будницкий О.В. 2001. *Послы несуществующей страны. «Совершенно лично и доверительно» Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков. Переписка 1919–1951*. Москва: РОССПЭН; Стэнфорд: Издательство Гюверовского института, Т. 1. С. 16–113.

Будницкий О.В. 2008. *Деньги русской эмиграции: колчаковское золото 1918–1957*. Москва: Новое литературное обозрение. 508 с.

Ермаков В.П., Гришанин П.И. 2002. Год 1920 в Крыму: «белое дело» генерала П.Н. Врангеля и позиции правительства США. *Актуальные проблемы российской и мировой истории. Учёные записки*. Выпуск I. Пятигорск С. 99–107.

Кронер Э. 2011. *Белая армия, Чёрный барон: жизнь генерала Петра Врангеля*. Москва: РОССПЭН. 462 с.

Карлей М.Д. 2017. Антибольшевизм во внешней политике Франции: польский кризис 1920 г. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. RF. 3(10). С. 52–73.

Листиков С.В. 2009. Мир без России: Белое представительство на Парижской мирной конференции. *Вестник МГИМО-университета*. 1(4) С. 15–29. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-15-29

Миронова Е.М. 2011. Положение русской колонии и создание небольшевистского представительства в Финляндии (1917–1921). Санкт-Петербург. *Клио*. №4. С. 77–83.

Миронова Е.М. 2015. Казусы российского представительства в Швейцарии в первые пореволюционные годы (1917–1925 гг.). *Международная жизнь. Специальный выпуск «История без купюр»*. С. 132–145.

Миронова Е.М. 2021. Защита русской дипломатической миссией в Белграде интересов соотечественников в Югославии. 1919 – 1940. Русская эмиграция на Балканах. *Сборник научных трудов*. Скопье: Институт национальной истории. С. 81–97.

Миронова Е.М. 2022. Михаил Николаевич Гирс. Русский дипломат в период гражданской войны в России и эмиграции. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 13(7(117)). DOI: 12.18254/S207987840022194-2

Миронова Е.М. 2023а. Имперская дипломатия на службе России после гибели империи (1917–1940). *Россия в центре истории*. Научный сборник памяти Нины Степановны Киняпиной (1920–2003). Москва: Модест Колеров. С. 433–467.

Миронова Е.М. 2023б. Русская небольшевистская дипломатия и вопрос международного признания Белого движения в 1918–1920 гг. *Вестник МГИМО-Университета*. 16(1). Р. 52–86. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-1-88-52-86

Росс Н. 1982. *Врангель в Крыму*. Frankfurt am Main: Посев. 362 с.

Пайпс П. 2001. *Струве. Биография*. Москва: Московская школа политических исследований. Т. 2. 348 с.

Сергеев Е.Ю. 2019. *Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918—1924 гг.: от интервенции к признанию*. Санкт-Петербург: Наука. 830 с.

Смолин В. 2017. *У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 г.* Санкт-Петербург: Наука. 419 с.;

Чемакин А.А. 2020. Деятельность П.Б. Струве как министра иностранных дел правительства Юга России (1920). *Научный диалог*. №12. С. 362–377.

Шмелёв А.В. 2017. *Внешняя политика правительства адмирала Колчака. 1918–1919*. Санкт-Петербург. 266 с.